

Н. М. Любимовъ.

(по личнымъ воспоминаніямъ)

проф. А. Н. Каземъ-Бенъ.

Мое знакомство съ покойнымъ обнимаетъ довольно большой періодъ времени,—около 32 лѣтъ.

Будучи 16 лѣтнимъ мальчикомъ я познакомился съ Н. М. въ одномъ семействѣ изъ Уфы, родины покойнаго, жившимъ съ нами на одномъ дворѣ, на Новогоршечной ул. въ домѣ Платунова, нынѣ принадлежащимъ Федоровой.

Наши встрѣчи въ этомъ семействѣ бывали довольно часты и съ первыхъ же дней знакомства я былъ очарованъ симпатичнымъ лицомъ покойнаго, его простотой въ обращеніи и увлекательными разсказами о производимыхъ имъ патолого-анатомическихъ вскрытіяхъ. Въ то время покойный былъ помощникомъ прозектора при кафедрѣ патологической анатоміи. Большею частью покойный приходилъ въ это семейство послѣ занятій и нерѣдко здѣсь обѣдалъ.

Какъ на образецъ простоты и негнушанія зеленой молодежью я уважу напр. на участіе Н. М. по нашей просьбѣ въ домашнемъ спектаклѣ. Нами была поставлена комедія „Женихъ изъ ножевой линіи“ и покойный игралъ главную роль—„Мордоцлюева“.

Сыгралъ свою роль Н. М. прекрасно, какъ опытный артистъ. Такой отзывъ былъ данъ тогда лицами присутствующими на спектаклѣ и видѣвшими не мало на своемъ вѣку хорошихъ исполнителей.

Съ отъѣздомъ указаннаго семейства изъ Казани прекратились и наши встрѣчи и возобновились онѣ снова, когда я былъ студентомъ 3 курса. Болѣе же тѣсное сближеніе было въ первые мои годы ординаторской службы въ клиникѣ покойнаго проф. Н. А. Виноградова. Въ эти годы я имѣлъ частыя встрѣчи съ

Рѣчь, читанная въ торжественномъ засѣданіи Общества, посвященномъ памяти Н. М. Любимова, 24 февраля 1907 г.

Н. М. не только въ часовнѣ для вскрытій, но и въ самой клиникѣ, которую покойный усердно посѣщаль, интересуясь способами изслѣдованія болѣзней, лѣченіемъ ихъ и т. п. Посѣщаль клинику Н. М. не изъ какихъ либо корыстныхъ побужденій т. е. я хочу сказать не съ цѣлью использованія приобретенныхъ знаній по клиникѣ для занятія потомъ частной практикой—нѣтъ, цѣль его изученія клиники, насколько я могъ убѣдиться, состояла въ слѣдующемъ. Н. М., какъ патолого-анатому, интересно было прижизненныя явленія у безнадежныхъ больныхъ сопоставить съ данными, полученными затѣмъ на секціонномъ столѣ. Изъ такихъ сопоставленій можно было составить себѣ представленіе о годности имѣвшихся въ распоряженіи клинициста способовъ изслѣдованій, степени его опытности и умѣнью разобраться въ сложныхъ, запутанныхъ случаяхъ. И въ то время онъ могъ дѣйствительно многому научиться, такъ какъ во главѣ клиники стоялъ хорошій діагностъ проф. Н. А. Виноградовъ и за годъ много поступало матеріала для секцій съ такими діагнозами, которыя, за рѣдкими лишь исключеніями, не вполне подтверждались вскрытіемъ. Такихъ диагнозовъ, какъ напр. „Ascites“ съ которымъ умершій больной препровождался въ патолого-анатомическій институтъ послѣ уже смерти Виноградова, никогда не бывало, да не могло и быть! И нужно было видѣть тогда Н. М., его глубокое возмущеніе подобными діагнозами клинициста, указывавшаго на послѣдствія многихъ болѣзней, но не установившаго ни одной изъ нихъ.

Сближеніе мое съ Н. М. становилось еще тѣснѣе и не нарушалось до самой смерти его со времени назначенія меня на кафедру діагностики а въ послѣдніе годы на кафедрѣ факультетской терапевтической клиники.

Со смертью Н. А. Виноградова окончились хорошія времена и для Н. М. Труповъ изъ клиники поступало мало, изъ больницы еще меньше и я вспоминаю теперь какъ Н. М. при встрѣчѣ со мной просилъ, а подѣ часъ и умолялъ, доставить ему хотя бы какойнибудь трупъ для вскрытій со студентами! По мѣрѣ возможности я выручалъ его изъ затрудненія и онъ такую услугу очень цѣнилъ, такъ какъ хорошо зналъ какой цѣною иногда доставалась и мнѣ добыча трупа для вскрытій изъ завѣдуемой мною въ то время Александровской больницы. По правиламъ больницы можно было вскрывать умершихъ только съ согласія родственниковъ. А какъ часто даютъ на это согласіе родственники я думаю многимъ изъ присутствующихъ здѣсь врачей хорошо извѣстно! Н. М. былъ энергичнымъ, можно сказать неутомимъ труженникомъ; неся тяжелыя обязанности по своей кафедрѣ, руководя специаль-

ными работами молодых врачей, деканствуя, а въ послѣдній годъ, въ самое тяжелое время, ректорствуя,—онъ всетаки находилъ время и удѣлялъ его тѣмъ кто обращался къ нему ища врачебной помощи или иной съ какой напр. изрѣдка обращался и я—это вскрыть тайно умершаго съ интересной болѣзью. И достаточно было сказать Н. М., что вскрытіе это будетъ не только удовлетвореніемъ моей любознательности, но и онъ получитъ хорошій препаратъ для созидаемаго имъ патолого-анатомическаго музея, какъ Н. М. оживлялся и жертвовалъ часами своего досуга, назначая вскрытіе напр. въ 11 часовъ вечера.

Суммируя свои впечатлѣнія за слишкомъ 30 лѣтнее знакомство съ покойнымъ, я могу сказать что Н. М. какимъ былъ 30 лѣтъ назадъ, такимъ же простымъ, общедоступнымъ, оставался и до конца своей жизни, занимая высокій постъ ректора автономнаго университета.

